

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

© 2012 г. Галия Мамраевна Тансыкбаева¹

Краткая аннотация: в свете предстоящего обновления Семейного кодекса Республики Узбекистан статья освещает ряд актуальных проблем, нуждающихся в дальнейшем совершенствовании. Неполнота урегулированности отдельных отношений, возможность применения обычаев и традиций придают особую значимость критическому пересмотру действующего Кодекса с позиции дальнейшего его совершенствования и приведения в соответствие с международным стандартам.

Annotation: the article covers a series of actual issues that need to be further improved in light of the forthcoming revision of the Family Code of the Republic of Uzbekistan. Lack of holistic regulation of certain relations and a possibility of application of customs and traditions gives a critical revision of the Code even higher profile for the purposes of its further development and bringing it in line with international standards.

Ключевые слова: семья, равноправие, дискриминация, права, защита, родство, материнство, отцовство, регистрация.

Key words: family, equality, discrimination, rights, protection, relationship, maternity, paternity, registration.

В условиях переживаемого Узбекистаном переходного периода, когда решаются стратегически важные задачи радикального преобразования всех сфер общественной жизни на демократических началах, особое внимание уделяется проблеме укрепления семьи на основе международных и национальных документов, касающихся брака, семьи и всеобщих прав человека.

Вследствие сотрудничества Рабочей группы ООН с Правительством Узбекистана в качестве одной из приоритетных сфер Рамочной программы ООН по оказанию помощи в целях развития была определена проблема “гармонизации национальных законов и нормативных документов в соответствии с международными конвенциями”².

В рамках данной Программы Узбекистану рекомендуется пересмотреть отечественное законодательство, включая семейное, с позиции выявления и устранения несоответствий между национальными и международными стандартами в области прав человека.

Семейный кодекс Узбекистана (далее – Кодекс) был принят в 1998 г. За десятилетие, прошедшее со времени его действия, возникло немало новых

проблем и задач, решение которых зависит от дальнейшего изменения, дополнения и обновления соответствующих положений действующего Кодекса.

Настоящая статья посвящена освещению некоторых положений Семейного кодекса Узбекистана, нуждающихся в дальнейшем совершенствовании.

Источники семейного права

В определенном дополнении нуждается, на наш взгляд, ст. 1 “Семейное законодательство и его задачи” (разд. I). В статье дано весьма ограниченное представление об источниках Кодекса. Единственным источником признается лишь Семейный кодекс. Между тем существуют такие фундаментальные источники, как Конституция страны, в которую, кстати, впервые в истории конституционного развития Узбекистана введена особая глава (XIV), посвященная непосредственно семье. Введение этой главы усиливает регулирующее воздействие Конституции на развитие семейных отношений. Кроме Конституции вне регламентации оказались также международные документы о всеобщих правах человека, верховенство которых признано Узбекистаном на конституционном уровне.

Думается, фундаментальный характер этих источников обязывает к закреплению их в Кодексе в качестве базовых источников семейного права и законодательства.

¹ Координатор программ Центра по изучению прав человека и гуманитарного права при Ташкентском государственном юридическом институте, кандидат юридических наук, доцент.

² Анализ соответствия между нормативной базой и конвенциями ООН, договорами и другими правовыми инструментами, к которым присоединился Узбекистан. Ташкент, 2007. С. 4.

Принципы Кодекса

В Семейном кодексе принципы не выделены в отдельную рубрику, в связи с чем они воспринимаются как обычные нормативно-правовые положения.

Наличие отдельной рубрики “Принципы Кодекса” позволило бы объединить их, подчеркнув тем самым основополагающий характер каждого из них.

В настоящий момент особенно актуален вопрос о включении в Кодекс ряда универсальных принципов, рекомендованных соответствующими комитетами ООН. Речь идет о включении принципов недопустимости дискриминации и насилия в семье по отношению к женщине, равенстве репродуктивных прав мужчины и женщины, наилучшее обеспечение интересов ребенка в семье.

Включение этих принципов не следует рассматривать с позиции перегрузки Кодекса. Воздействие универсальных принципов на формирование у граждан неприятия оскорбительного, унижающего достоинство женщины обращения стоит того, чтобы они были введены в Кодекс в ходе предстоящего совершенствования.

Обычай или закон?

Особое внимание в Кодексе привлекает ст. 8, допускающая применение местных обычаев и традиций в семейных отношениях. Безусловно, уважительное отношение народов к традиционным ценностям достойно глубокого внимания и уважения. Но речь идет о предоставлении суду права применять далекие от кодификации вековые традиции и обычаи. Поскольку статья не содержит указания на них, не исключена возможность различной судебной практики.

Отсутствие четкого критерия неизбежно порождает разномыслие в выборе обычаев и традиций и широкое толкование. То, что одними воспринимается в качестве косного обычая, другим может показаться доброй традицией. Выбор обычаев и традиций, ограничивающих женщину в ее правах и свободах, вряд ли будет способствовать утверждению ее достоинства и свободы в семейных отношениях.

В 2010 г. на научном семинаре эта статья вызвала особенно оживленные споры. На вопрос, применяется ли статья на практике, некоторые судебные работники утверждали, что им довольно часто приходится применять ее.

Другие участники утверждали, что судьи заблуждаются, если свои решения они фактически принимают со ссылкой на закон, а не на обычай.

С подобным подходом трудно согласиться, ибо за время действия Кодекса не было ни одного случая применения спорной статьи в судебной практике. Данный факт, по сути, говорит о “нежизнеспособности” рассматриваемой нормы.

Согласно международным документам по правам человека практика и обычаи, не соответствующие правам женщины, не должны применяться государствами – членами международного сообщества. Такая задача является актуальной и для Республики Узбекистан как равноправного члена международного сообщества.

Об эффективности правовых норм принято судить по соответствию их регулируемым отношениям. Но о какой эффективности обычаев и традиций может идти речь, если их воздействие изначально основывалось на неравенстве мужчины и женщины? При совершенствовании Кодекса возникает проблема критического переосмысления данной статьи с позиции укрепления и утверждения подлинного гендерного равенства.

Брачный возраст

Определение брачного возраста женщины имеет непростую историю. К его повышению человечество шло веками.

До 1918 г. в Узбекистане, как и во всем Туркестанском крае, брачное совершеннолетие для мальчиков наступало в 12 лет, для девочек – в 9 лет³. Замужество 12 – 13-летней девочки представляло собой обычное явление.

В условиях СССР брачный возраст подвергался неоднократным изменениям. Единый для обоих полов 18-летний возраст в Узбекистане был изменен в связи с широко распространенной практикой раннего замужества. С распадом Союза брачный возраст мужчин был определен в 18 лет, женщин – в 17 лет. В исключительных случаях допускалось снижение возраста на один год.

В замечаниях Комитета ООН по ликвидации дискриминации женщин в Республике Узбекистан была выражена озабоченность по поводу, во-первых, установления, разного брачного возраста для мужчин и женщин, во-вторых, сниже-

³ См.: История советского государства и права Узбекистана. Т. 1 (1917–1924 гг.). Ташкент, 1960. С. 356.

ния установленного для женщин брачного возраста еще на один год.

К сожалению, в условиях переходного периода консервативно настроенная часть общества проявляет тенденцию к утверждению ранних браков.

Обращает на себя внимание противоречивость регламентации Кодексом брачного возраста. Выше отмечалось, что законодатель допускает снижение брачного возраста на один год. Иначе говоря, за 16-летней девочкой признается право на вступление в брак. При этом ст. 15 Кодекса особо оговаривает, что снижение возраста допускается “при наличии уважительных причин, в исключительных случаях...”.

Однако неясно, что подразумевается под “уважительными причинами и исключительными случаями”. Поэтому предлагается дать их перечень в качестве четких критериев, исключающих возможность личного усмотрения в принятии решения о снижении брачного возраста.

Установление раннего возраста вступления в брак не согласуется с международными стандартами, нарушает принцип гендерного равенства. Возникает проблема унификации брачного возраста в соответствии с международными стандартами (не ниже 18 лет).

Снижение брачного возраста до 16 лет (даже в “исключительных” случаях) входит в противоречие с понятием “ребенок”, что несовместимо с принципом наилучшего обеспечения интересов ребенка. В связи с этим унификация брачного возраста в соответствии с международными стандартами исключает возможность заключения брака с несовершеннолетними, предотвращая тем самым ранние браки.

Религиозная форма брака

Жизнь постоянно выявляет определенные проблемы, требующие нового подхода к их решению. В настоящее время возникает ряд волнующих общество проблем, связанных с формой заключения брака, ранними браками, полигамным браком, весьма тесно связанных между собой.

Несмотря на то что действующий Семейный кодекс признаёт юридическую силу только за официально зарегистрированным браком, однако многие из них заключаются в религиозной форме без оформления регистрации в органах ЗАГС. На первый взгляд, ничего предосудительного нет в соблюдении религиозного обряда, но эта форма не порождает правовых последствий: нельзя обязать “религиозного супруга” платить алименты,

разделить имущество. Практика общения с женщинами, вступившими в религиозный брак, говорит о том, что они не сомневаются в обретении ими статуса жены. Тяжкие последствия подобных иллюзий наступают из-за распада фактических брачных отношений.

Чтобы исключить это, закон не должен ограничиваться простым указанием на то, что браки, заключённые по религиозному обряду, “не имеют правового значения”.

Рано выдаваемая замуж девочка, как правило, не имеет представления о Семейном кодексе, тем более о международных стандартах, касающихся брака и семейных отношений. Ей неизвестно, что согласно Семейному кодексу брак, “заключенный по религиозному обряду, не имеет правового значения”.

По причине низкого уровня правовой культуры женщине трудно бывает понять даже смысл слов “не имеет правового значения”. В связи с этим Кодекс должен содержать прямое указание на то, что женщина, состоящая в “религиозном браке”, не признаётся законной женой. Поэтому предлагается следующая редакция Семейного кодекса Узбекистана:

«Лица, вступающие в брак по религиозному обряду “шари-никох”⁴, не вправе получать алименты, претендовать на раздел имущества и квартиры (дома), так как религиозный брак законным не признается».

Предлагаемая версия поможет осознать несостоятельность религиозного брака, понять необходимость сочетания церковного венчания с регистрацией брака в органах ЗАГСа.

Многोजенство – нелегальная форма брака

Полигамия как форма брачных отношений существовала в мире издревле. Современные процессы развития нельзя изучать в отрыве от прошлого, отзвуки которого находят отклик и в настоящее время.

В Узбекистане, как и во всех других странах Центрально-азиатского региона, полигамия существовала вплоть до начала XX в., пока она не была упразднена Кодексом законов об актах гражданского состояния и опекуном праве (КЗАГС) РСФСР 1918 г., его действие распространялось на Туркестанскую автономную республику, в состав которой входила и Узбекская Республика⁵.

⁴ “Шари-никох” – брак, заключенный по шариату, “оила-никох” – семья, основанная на религиозных нормах.

⁵ См.: Вестник юстиции Туркестанской республики. 1918. № 1. С. 20; № 2. С. 40.

Процесс перехода от полигамной формы брака к моногамной был непростым, так как складывался веками. Стереотипы сознания до сих пор служат основой терпимого отношения к многоженству. Подтверждением этому является попытка отдельных постсоветских стран легализовать эту форму брачных отношений.

В современных рыночных условиях, когда увеличивается число состоятельных граждан, возникает благоприятная экономическая основа для возрождения полигамии. Число “религиозных жен” пополняется подчас за счет вторых и третьих жен.

До распада СССР многоженство находилось в Узбекистане под запретом. Уголовное законодательство запрещает это и в настоящее время.

В то же время ст. 126 Уголовного кодекса Узбекистана определяет многоженство как “сожитительство с двумя и более женами на основе общего хозяйства”.

Данное определение вызывает особую озабоченность Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, выражая обеспокоенность по поводу того, что запрещение полигамии в форме сожитительства на основе общего хозяйства может быть истолковано как допущение полигамии в случаях, когда она практикуется в форме раздельного проживания.

Небеспопченность подобного беспокойства подтверждается изменяющейся практикой полигамных отношений в условиях рыночного развития, когда многоженство практикуется в форме раздельного проживания, вне общего хозяйства, когда формальные признаки полигамии отсутствуют. Фактически же полигамия продолжает существовать, но уже в преобразованном виде. Состоятельный мужчина приобретает фактическим женам отдельную квартиру, что само по себе исключает ведение общего хозяйства.

Поэтому необходимо ввести в ст. 15 Семейного кодекса, регламентирующую порядок заключения брака, следующее дополнение: **“Многобрачие запрещается. Сожитительство с двумя и более женщинами на основе общего или раздельного хозяйства не порождает правовых последствий”**.

Срок регистрации рождения

Согласно Декларации о правах ребенка 1959 г. ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается “в специальной охране и защите, включая правовую защиту как до, так и после рождения”.

В свете данного положения вопрос о своевременной регистрации рождения приобретает особую актуальность. Надо заметить, что в общественном сознании регистрация рождения воспринимается чаще всего как простая техническая процедура, не требующая срочности. Между тем она имеет исключительно важное общественное значение.

Сопоставление срока регистрации, предусмотренного Конвенцией о правах ребенка (ст. 7) и Семейным кодексом Узбекистана (ст. 205), свидетельствует о существенном различии в подходе к определению срока регистрации рождения. Согласно ст. 7 этой Конвенции рождение ребенка подлежит регистрации “сразу же после рождения”. На основании Семейного кодекса Узбекистана рождение ребенка подлежит регистрации “в течение одного месяца после рождения”. На первый взгляд, расхождение в сроках регистрации представляется не столь значительным. Однако в течение месяца могут возникнуть различные жизненные обстоятельства: подмена, похищение ребенка и даже лишение его жизни. Следовательно, становится очевидным преимущество немедленной регистрации рождения – ребенок сразу же с появлением на свет оказывается под защитой закона, общества и государства.

Важность приведения ст. 205 Семейного кодекса в соответствие со ст. 7 Конвенции о правах ребенка особо подчеркнута в Заключительных замечаниях Комитета ООН по правам ребенка на второй периодический доклад Узбекистана от 2 июня 2006 г., где он обращается с настоятельным призывом “принять все необходимые меры для обеспечения незамедлительной регистрации детей после их рождения”⁶. Предельно краткий срок регистрации мог быть реальной правовой гарантией, обеспечивающей безопасность новорожденного младенца. В связи с этим имеет смысл предусмотреть в Семейном кодексе Узбекистана обязанность органов ЗАГСа производить регистрацию не позднее трех дней после рождения. А также необходимо ввести положение об ответственности органов ЗАГСа за несвоевременную регистрацию рождения.

Кровное родство и установление происхождения детей

Отношения кровного родства и установление происхождения ребенка регулируются соответс-

⁶ См.: Заключительные замечания Комитета ООН по правам ребенка на второй периодический доклад Узбекистана [CRC/C/104/Add.6] были приняты на 1157-м заседании, состоявшемся 2 июня 2006 г.

твующими статьями разд. III Семейного кодекса Узбекистана, который нуждается в изменениях, поскольку не все аспекты регулируемых отношений нашли в нем отражение.

Отношения, связанные с установлением происхождения ребенка от матери, регулируются ст. 60 Кодекса. Однако Кодекс не содержит понятие материнства. В связи с новейшими научными достижениями и появлением понятия суррогатного материнства возникают споры о том, за кем следует признавать истинное материнство – за той женщиной, являющейся биологической матерью и связана неразрывными генетическими узами с ребенком, либо за суррогатной матерью, которая на договорных началах вынашивает ребенка. Спорность столь сложного вопроса должна получить правовое решение на уровне Семейного кодекса Узбекистана.

В Кодексе отсутствует также определение понятия отцовства. В недалеком прошлом установление отцовства в судебном порядке осложнялось невозможностью его достоверного установления, о чем свидетельствуют курьёзные решения о взыскании содержания на ребенка одновременно с трёх отцов в порядке “солидарной ответственности”.

Современные достижения в области генной инженерии позволяют с достоверностью установить биологического отца. Однако в ст. 62 об установлении отцовства медико-генетическая экспертиза не была упомянута. В связи с этим предлагается дополнить Семейный кодекс положением о представлении медицинских документов, подтверждающих отцовство ответчика на основе медико-генетических исследований. Одновременно предлагается закрепить за биологическим отцом право оспорить неправомерную запись третьего лица в книге записей актов гражданского состояния. Право подобного оспаривания должно закрепляться законом за каждым родителем вне зависимости от гендерной принадлежности.

Усыновление совершеннолетнего

Согласно ст. 151 Семейного кодекса усыновление допускается только в отношении несовершеннолетних детей. В принципе такой подход вполне понятен, поскольку речь идет о детях, не достигших зрелого возраста. К сожалению, некоторые дети, едва достигнув совершеннолетия, становятся социальными сиротами, теряя родителей и близких. Иногда возникает также необходимость в легализации фактического усыновления.

Надо полагать, что небезосновательно в законодательстве отдельных стран, в частности в Германии⁷, закрепляется право совершеннолетнего на усыновление. Использование позитивного опыта может содействовать введению в семейное законодательство Узбекистана нормы, гуманность которой несомненна.

Следует отметить, что в Центрально-азиатском регионе, составной частью которого является Узбекистан, отношение к осиротевшим детям (вне зависимости от возраста) традиционно складывалось на началах истинной гуманности. Небезынтересно отметить, что исламское право в целях утверждения заботливого отношения к сироте придерживалось строгой дифференциации в вопросах закрепления за родственниками права хизаната (попечения). Так, предпочтение оказывалось прежде всего матери ребенка. В случае ее смерти право хизаната закреплялось за бабушкой с материнской стороны на том основании, что никто из других родственников не способен проявлять сердечную заботу о ребенке, как родная бабушка.

За бабушкой с отцовской стороны такое право признавалось только в том случае, если нет в живых бабушки со стороны матери. Предпочтение оказывалось по принципу близости кровного родства, особенно по линии матери⁸.

Нормы исламского права, акты толкования исходили, как видим, прежде всего из интересов ребенка.

Особый интерес представляет традиционное отношение к осиротевшим детям со стороны дяди (особенно брата матери), который считал своим долгом заботиться о племяннике (племянниках).

Подобное отношение (равнозначное отцовскому) рассматривалось в обществе как само собой разумеющееся явление. Такая традиция, поддерживавшаяся из поколения в поколение, является прочной основой для признания за совершеннолетним права на усыновление, тем более что усыновление во все времена относилось к одному из почитаемых институтов семейного права на Востоке. Достаточно напомнить о масштабах усыновления в Узбекистане эвакуированных детей из России в годы Великой Отечественной войны.

⁷ См.: Гражданское уложение Германии. Изд. 2-е. Bürgerliches Gesetzbuch Deutschland. 2 Auflage. Wolters Kluwer. Разд. 7. Усыновление. Подразд. 1. Усыновление совершеннолетнего. §1741. Допустимость усыновления.

⁸ См.: Хидоя. Комментарии мусульманского права. Т. 1. Ташкент, 1994. С. 380.

Думается, всё, что служит благу человека и гуманизирует отношения людей, не должно находиться под запретом.

Международное усыновление

Международное усыновление представляет для Узбекистана, по существу, новое явление, если не учитывать практику усыновления в условиях бывшего СССР. Однако акты, имевшие место в Союзе, с большой долей условности можно называть международными, поскольку усыновители и усыновляемые являлись согражданами единого государства.

В условиях бывшего СССР о международном усыновлении не могло быть речи точно так же, как и о браках с иностранными гражданами.

Ситуация в области прав человека изменилась с признанием приоритета международных документов по правам человека, в области брака и семьи, в частности, Конвенции о правах ребенка, в которой особое значение придается альтернативной форме устройства ребенка, лишенного родительского попечения.

В Семейном кодексе Узбекистана нет отдельной главы, посвященной непосредственно международному усыновлению. Объясняется это тем, что такая форма усыновления не могла получить развитие в условиях политической системы, обособленной от внешнего мира.

В связи с укреплением международного сотрудничества государств-членов мирового сообщества, возрастанием потребности иностранных граждан в усыновлении детей на территории Узбекистана, возникла необходимость в правовом регулировании таких отношений.

В связи с возникающими правоотношениями в разд. VIII Семейного кодекса Узбекистана «Регулирование семейных отношений с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» введена ст. 237 **“Усыновление”**.

В этой небольшой по объему статье только четыре абзаца регулируют отдельные аспекты усыновления. Наличие единственной статьи не соответствует ни масштабам усыновления, ни потребности самих детей, лишенных родительского ухода, в усыновлении. Поэтому предлагается ввести отдельную главу в Кодекс для восполнения пробела, образовавшегося в регулировании международного усыновления.

В преддверии совершенствования Семейного кодекса Узбекистана возникает довольно спорный вопрос о том, кто должен решать вопрос об

усыновлении. Согласно Кодексу данное право закреплено за хокимом района (города) – главой местной администрации, на территории которого проживает ребенок. Вместе с тем, в обществе высказываются суждения о необходимости установления усыновления в судебном порядке. Предпочтение, отдаваемое судебному производству, основано на признании достоинства четко разработанной судебной процедуры, которая несовместима с волокитой и личным усмотрением.

Сторонники судебной формы установления усыновления, особенно те, кто работает с детьми, решающее значение придают фактору объективности и профессионализма в подходе к решаемой проблеме.

О том, насколько обоснованна подобная позиция, можно судить по некоторым фактам.

В связи с отсутствием, например, правовых документов, в которых определяются временные рамки установления усыновления, процесс производства затягивается на неопределенное время. Более того, предварительное согласие на усыновление нередко завершается отказом. Нетрудно представить, какое отрицательное воздействие оказывает такой отказ на состояние ребенка, особенно в случаях его болезни или инвалидности.

Порой решение вопроса об усыновлении ребенка, остро нуждающегося в особом уходе, лечении либо протезировании затягивается из-за волокиты на несколько лет (2–3 года). Иногда все попытки усыновителей убедить, что оздоровление ребенка, больного ребенка гепатитом (другими болезнями) либо остро нуждающегося в протезировании, не составляет проблему в стране их проживания, в лучшем случае они получают обещание решить вопрос попозже, но в итоге все завершается отказом.

Отсутствие четкой регламентации решения вопроса об усыновлении, поэтапного рассмотрения его в строго предусмотренные конкретные сроки порождает нежелательные для интересов усыновляемого ребенка неопределенность и волокиту.

Представляется, что в ходе совершенствования Семейного кодекса Узбекистана все вопросы, касающиеся прав и свобод усыновляемого ребенка, должны детально регламентироваться на уровне отдельной главы.

Установление содержания норм семейного права иностранного государства

Статья 238 разд. VIII Семейного кодекса Узбекистана посвящена установлению содержания норм семейного права иностранного государства.

В связи с необходимостью установления содержания норм в области семейного права иностранного государства органам государства, записи актов гражданского состояния ст. 238 рекомендует обращаться за содействием и разъяснениями в Министерство юстиции Республики Узбекистан, а также в другие компетентные органы либо привлекать экспертов, хотя вряд ли эти государственные органы имеют своды законов иностранных государств.

Кроме того, никакие разъяснения не могут точно воспроизвести содержание норм и тем более заменить закон. Они могут лишь уточнить или раскрыть содержание соответствующих положений.

Странным представляется положение статьи о предоставлении “заинтересованным лицам” права представлять документы, подтверждающие содержание норм семейного права иностранного государства, на которые они ссылаются в обоснование своих требований или возражений. Следовательно, “заинтересованным лицам” предлагается оказывать содействие суду, органам записи актов гражданского состояния и другим органам в установлении содержания норм иностранного государства.

Однако следует иметь в виду, что установление подлинного содержания правовых норм – проблема не личностной, а государственной обязанности (*ex officio*).

В последней части статьи особо оговаривается, что, если вопреки предпринятым мерам содержание норм не установлено, применяется законодательство Узбекистана.

Касаясь положений ст. 238, председательствующий судья Земельного верховного суда земли Целле (ФРГ) Ева Молл-Фогель в своем Заключении на Семейный кодекс Узбекистана писала о не-

обходимости «Предусмотреть обязанность суда, принимающего решение, **самому позаботиться об использовании всех имеющихся в его распоряжении возможностей**, которые также перечислены в ст. 238, чтобы квалифицировать нормы иностранного права. В противном случае суду будет слишком “легко”, не прикладывая “усилий” к установлению норм иностранного права, применять знакомое местное законодательство Республики Узбекистан»⁹. Таким образом, ст. 238 Семейного кодекса Узбекистана нуждается в существенном изменении. Представляется, что из структуры статьи следует исключить все три части, кроме первой. Упраздненные части предлагается заменить новым положением следующего содержания:

“При применении нормы семейного права иностранного государства органы суда, записи актов гражданского состояния и иные органы обязаны принимать все необходимые меры для установления содержания нормы иностранного государства непосредственно на основе семейного кодекса (уложения и т.п.) конкретной страны”.

Такая обязанность, закрепленная в законодательном порядке за государственными органами, повысит, с одной стороны, ответственное отношение государственных органов к самостоятельному поиску нормативно-правовых источников иностранного государства. С другой – обяжет налаживать межгосударственное сотрудничество в области обмена нормативно-правовыми источниками, что будет способствовать созданию нормативного фонда, вне которого трудно представить профессиональную деятельность правоприменительных органов.

⁹ См.: Материалы семинара по семейному праву. 2010. 2–3 июня. Чарвак. Gtz. С. 194.